

Ирада Берг

«Contione – встреча»



РИПОЛ **КЛАССИК**

Ирада Берг – чтения со смыслом

Ирада Берг
Contione – встреча

«РИПОЛ Классик»

2021

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Берг И.

Contione – встреча / И. Берг — «РИПОЛ Классик»,
2021 — (Ирада Берг – чтения со смыслом)

ISBN 978-5-386-14367-1

Мы все зависим от случайностей. И трудно поверить в то, что именно она, случайность, неуверенной рукой рисует траекторию моей жизни. Я не хотел признаваться в этом даже себе. Я не хотел признавать себя пораженным и отдавать победу ей, но, теперь, когда я узнал, что она вольна повелевать нами и играть в злые или добрые игры в зависимости от своего настроения, теперь я хочу предостеречь всех от глупой, поверхностной самоуверенности и самонадеянного счастья, такого неверного и обманчивого.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-386-14367-1

© Берг И., 2021
© РИПОЛ Классик, 2021

Содержание

От автора	6
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Ирада Берг

Contione – встреча

© Ирада Берг, 2021

© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2021

* * *

*Посвящается всем, кто отчаялся и сомневается.
Всем, кто решился начать сначала и снова ищет свой путь...*

От автора

Странное ощущение испытываешь, когда все уже случилось. Все, чего ты так ждал. Не мог спать от переполняющих эмоций, просыпался в три часа ночи, уткнувшись пустыми глазами в потолок, пытаюсь заснуть в ожидании долгожданного отпуска. Потому что устал. И обвисшие, как плети, воспоминания тянулись к безмятежности зеленых пальм и монотонному, но не раздражающему шуму моря. Когда мысли летят легко и смело и ты не ждешь ничего и ни к чему не стремишься, просто фотографируешь на пленку памяти этот момент, понимая, что никто никому не принадлежит, и ты – тоже. И это только твое ощущение счастья, которое ты поймал, пусть даже на короткое время, вместе с этим повторяющимся шумом ускользающей волны.

Но отпуск подошел к концу, и по-детски грустно, что все закончилось так быстро, первое свидание утратило прелесть новизны, превратившись в очередную скучную рутину сменяющихся ролей, о которых ты и не подозревал. И то, чего ты так ждал, не оправдало надежд и снова погрузило в привычную пустоту и бесформенность.

Но когда ты утрачиваешь последнюю надежду и скорбь о себе навязчиво занимает место рядом в душном купе дневного экспресса, когда ты так стиснут, что страшно вытянуть ноги, потому что мало места, совершенно неожиданно первый весенний солнечный луч, нежный и девственный, вдруг падает на твое лицо, и весна приходит как спасение и дарит будоражащее желание жить, возвращая забытые эмоции и ощущения.

Жить, несмотря ни на что.

Я шла по бульвару Бон-Нуviel, пропитанному нескромным запахом распутившейся сирени, я шла по Парижу. Весна входила в свои права, пробуждая интерес к красоте и жизни, а запах сирени обволакивал и дурманил одновременно. Я глубоко вдыхала этот ошеломляющий аромат и удивлялась ощущению радости от него и от свежести вечернего Парижа после легкого дождя. Попадавшие мне навстречу прохожие, обычно так раздражавшие меня, словно только я одна имела право ходить по улицам, забавляли и радовали, совсем не мешая. Я всматривалась в их лица, освещенные закатными лучами, пытаюсь угадать и додумать их судьбы. Я шла, пока не почувствовала усталость и приятную ломоту в ногах. Мне захотелось присесть в небольшом кафе, название которого я уже и не вспомню. Легкая, как балерина, официантка с ярко очерченными губами предложила мне меню и пропела *bonsoir*. Народу в кафе было немного. Играла приятная мелодия в стиле французских шансонье. Я заказала домашний лимонад и обратила внимание на флаер на столе. Это была реклама выставки русского художника Марка Лозинского, имени которого я раньше не слышала. Женщина с утонченным лицом и раскосыми глазами внимательно и игриво смотрела на меня с маленькой репродукции картины. *La primavera*, прочла я и удивилась тому впечатлению, которое она произвела на меня. Это не было копией боттичеллиевской «Весны», в ней был свой стиль, свои оттенки и невероятная жизнеутверждающая сила, как будто неподвластная времени. Выставка открывалась на следующий день в модной галерее современного искусства «Жаклин».

Балерина-официантка принесла лимонад, и я сделала освежающий глоток.

Выдумать весну, несмотря ни на что!

Я удивленно посмотрела на флаер, пораженная то ли этой мыслью, то ли тем впечатлением, которое произвела на меня эта маленькая репродукция. Мастера эпохи Возрождения искали безупречной красоты и совершенства, которые меняют мир к лучшему, – разве приходит это в голову современному человеку? Я еще раз внимательно посмотрела на портрет незнакомки, пытаюсь додумать детали, потерявшиеся из-за качества печати. «Иногда весна раскрывается в нас самым необычным образом», – продолжила я свой внутренний монолог, уже

точно зная, что завтра пойду в галерею «Жаклин» на выставку «La primavera» – открывать свою весну.

Глава 1

*Музыка дождя – лучший концерт в жизни.
Тонино Гуэрра*

**Санкт-Петербург,
наше время**

Дождь настойчиво барабанил в окно, бесконечный и монотонный, не отпускающий ни на миг.

Звук падающих капель давал свои легкие такты, как Сати, заканчивал мелодию и начинал снова, завершал свой причудливый витиеватый узор, восхвалял и выписывал бисером грусть, заставлял почувствовать себя покинутым, но избранным, ведь ты уже практически научился обходиться без всех и стал единственным наблюдателем и слушателем музыки мира – самым лучшим! Дождь успокаивал.

В отличие от тревожного солнца, столь редкого и неестественного в Петербурге, когда нужно вдруг соответствовать ярким краскам и неожиданному теплу. Тепла постепенно перестаешь ждать и так и не успеваешь надеть новые легкие туфли и воздушный шелковый сарафан. И его нежный шелк так и висит в шкафу, забытый до следующего лета.

Солнечные блики обнаруживают излишнюю бледность лица и едва заметные фиолетовые тени под глазами, поэтому Лиза не любила яркого солнца, предпочитая дождь. Особенно весной, с ее одинокими печальными вечерами, когда совсем не обязательно быть счастливым и никто от тебя этого не требует. Грусть так гармонично и естественно вписывается в унылый пейзаж налетевших низких и серых облаков петербургского неба, что даже такие слова, как «мне страшно одиноко», звучат совсем не страшно.

Мне страшно одиноко. Лиза встала, неторопливо подошла к окну. *Мне страшно одиноко...* Капли дождя нервно царапают стекло.

Это то, о чем она не может сказать друзьям, потому что друзьям нечем ей помочь. Мы одиночки, мы мчимся на огоньки друг друга, а при встрече не знаем, что сказать. «Я знаю; ты знаешь; мне больно; тебе больно; тебе уже не больно? Мне пока не больно. Послушай, это то, о чем я не могу и не умею говорить вслух, а правда так проста».

Мне страшно одиноко. Как воздух, нужна любовь.

Это то, о чем говорят подругам за чашкой чая. Это то, о чем она уже не говорит никому, потому что это выглядит смешно и надуманно. Господи, как же она устала и привыкла к этому повторяющемуся диалогу с самой собой, ведь только себе, как в тактах Сати, ты можешь до бесконечности говорить одно и то же, правду, без насмешек и осуждений, без всяких оценок, просто то, что хочешь сказать, пока сам не начнешь укутывать ее в коконы ожиданий и туманы надежд.

Лиза села на деревянный стул с выцветшей обивкой в своей небольшой комнате в коммуналке, которая ей досталась от бабушки. Сюда она убегала из просторной родительской квартиры на Московском проспекте, чтобы поймать свою музыку и настроение, полелеять грусть, побыть с ней наедине, как с лучшей подругой.

Фасад дома, отделанный барельефами женских профилей с красиво убранными в низкую строгую прическу волосами на фронтоне, гордо смотрел большими окнами на Мойку. Ее суровость и непреклонность совсем не сочеталась с его внутренним миром, который придавал особый лирический настрой и смысл всему, что здесь происходило, всплывало густой пеной сомнений, разочарований и реже побед.

Усталый, но цепкий взгляд подмечал здесь запустение, ощущение безысходности. У всего была своя партия, своя нота в создании диссонанса: дверь, так и не дождавшаяся, чтобы ее поменяли, парадная с широкой лестницей и обшарпанными перилами с отваливающимся штукатуркой, извергающая сотни запахов, ни один из которых не имеет отношения к «Молекуле», и выпускающая ту совокупность непристойностей, которыми пропитаны многие парадные в Петербурге.

Лизе нравились эта неровность и шероховатость, эти запахи жизни, а не пудры и ванили. Она любила это место и чувствовала свою неделимость с ним, ощущая только здесь так необходимое ей тихое счастье. Бесконечный коридор со всевозможным хламом, открывающий внутренние миры тех, кто скрылся за дверями своих комнат: несколько допотопных велосипедов, на которых никто не катался, но так и не набрался храбрости их выбросить, корыта, одиноко висевшие на ядовито-желтых стенах, покрытые ржавчиной и выдавшие самые великие стирки, которые в наше время уже и не представить, комод с пожелтевшими страницами книг и еще какими-то старыми блюдами и вазами. Это тоже была часть жизни этих людей, с которой они как ни пытались, но не могли расстаться, как с дорогими воспоминаниями своей молодости.

Время непрерывно отсчитывает ровный ритм событий, создавая сложные узоры судьбы, с которой мы пытаемся идти рука об руку не ссорясь, надеясь на ее любовь и умение совершить за нас все самые важные и сложные повороты, оправдываем свой страх ее настойчивостью. За каждой дверью в коммуналке скрывалась своя история, своя жизнь.

Раньше в этом доме, сохранившем все атрибуты классического особняка с увесистыми колоннами с лаконичным завершением капители в дорическом стиле, жила графская семья и занимала его целиком. С самого начала, от задумки архитектора – гармонично соединить экстерьер с интерьером, – дом привык ощущать людскую заботу и внимание и долгое время хранил величие и имперское величие, как врожденное внутреннее достоинство, которое невозможно унижить даже самыми большими несчастьями. Все изменилось с приходом большевиков и их отношением к собственности: владение стало коллективным и, по сути, ничьим. Трудно представить, что убогие коммуналки, унижительные и бесполое, наполняют и по сей день эту внешнюю безупречную парадность.

Бабушка Лизы была коренной петербурженкой. Кроме внучки, у нее никого не осталось, и вся ее жизнь превратилась в череду воспоминаний, которые порой казались мнимыми и уже не ранили так сильно, а просто вспоминались без слез. Бабушка никогда не жаловалась и не сетовала на судьбу, с любовью мысленно просматривая те самые мнимые события своей жизни.

В ее трудовой книжке была одна-единственная запись: «Школа номер 102, учитель младших классов». Многие приписывают учителям то, о чем они сами и не догадываются: несостоятельность и нереализованность, загубленную и невозвратную молодость. Но бывают счастливые истории, когда человек выбирает специальность по своему призванию и зову души, просто потому, что ему нравится делиться открытиями с теми, кто сидит за партой и ждет знаний, чтобы слепить свой мир и свою жизнь, поверив в себя. Вот тогда жизнь учителя наполняется радостью и каждое утро становится частью чего-то очень важного. Маргарита Семеновна любила своих учеников, не считала их балбесами, а пыталась научить, как она говорила, мыслить. К каждому первому сентября она обязательно шила два строгих костюма – темно-синего и серого цветов. Ей казалось, что серый цвет подчеркивает достоинства женщины, позволяя добавлять любые оттенки. В этой строгости и простоте отображались, словно в венецианском зеркале, невероятная элегантность и женственность. Муж Маргариты Семеновны, единственный мужчина в ее жизни, ушел из жизни, когда ему было всего лишь пятьдесят. Это не был несчастный случай или внезапная болезнь, у него просто однажды остановилось сердце, как и у многих мужчин в его возрасте. Просто остановилось, как и жизнь бабушки Лизы.

Невозможно отлистать жизнь назад, вернуться в прошлое, задать вопрос, получить на него ответ – почему? Почему все произошло именно так?

Когда Елизавета вспоминала бабушку, она черпала из этих воспоминаний силы для нового дня. На книжных полках особое место занимал альбом с картинами итальянского художника Сандро Боттичелли. Это был подарок бабушки. В те далекие годы, когда выезд за границу был чем-то экстраординарным и почти нереальным, его включили в делегацию, как подающего надежды архитектора, на семинар, связанный с темой «Классическая архитектура и современность». Возвратившись из Флоренции, дедушка привез бабушке настоящие французский духи и альбом живописи Сандро Боттичелли. Часто вместе они листали его, и бабушка рассказывала Лизе о галерее Уффици и великих Медичи, о Флоренции, и сыне кожевника Алессандро Филиппеппи, которого в народе прозвали Боттичелли. Лиза слушала эти рассказы как сказку и мечтала побывать в Италии. В альбоме были мадонны с нежными лицами, святой Себастьян и ее любимая Богиня с развевающимися волосами цвета меди и улыбкой недосказанности. Но больше всего Лизе нравилась картина под названием «Весна» – сочетание невероятных сказочных фигур, сплетенных неведомой нитью событий и судьбы, благословляемой легким движением руки Венеры, дающей добро на все происходящее. Она была загадочной, и Лиза часто рассматривала цветы на платье Флоры. Их было так много, и она пыталась разглядеть каждый лепесток этих сказочных растений. В картинах Боттичелли было столько силы, а главное, итальянский художник опередил Достоевского, провозгласив каждым движением кисти и сплетением светотеней, что *красота спасет мир*, – во всяком случае, он сам искренне в это верил, создавая совершенные пропорции и формы, словно слагая гимн утонченности и гармонии. «Ну, если красота и не может спасти мир, – думала Лиза, рассматривая репродукции, – то разве не может она спасти человека? Отчаявшегося, потерянного в этом сумасшедшем мире? А что, если может?» Венера спокойно и загадочно смотрела на нее, не умея или не желая давать ответы на вопросы. «Сама поймешь», – словно говорил весь ее облик.

Почему-то все всегда отталкиваются от настроения, словно это основная заслуга художника, а вовсе не умение передать форму, перспективу, сложность композиции. Наверное, все дело в цвете и легких, ритмичных мазках. Цвет придает энергию и задает настроение, которые мы улавливаем и вдруг ощущаем замысел творца, словно он нашептывает нам свои мысли. Красота, способная спасти мир, вытащить его из омута страданий, в который он погружался столетиями. Красота, заключенная в совершенной художественной технике и сочетании цветов. Простая, как будто даже банальная – и невозможная истина, уравнение, которое не имеет решения.

Еще над диваном висел букет полевых цветов в скромном багете, совсем не похожих на тщательно выписанные яркие цветы Брейгеля, когда часами можно рассматривать каждый лепесток и тени на изящных и сочных листьях, напоминающих идеальное сочетание, созданное флористами, которые изрядно потрудились над ним, обдумывая каждое растение. В японском языке есть понятие «ханами», означающее «смотреть на цветы и испытывать радость, наслаждение». Лиза чувствовала спокойствие и предвкушение чего-то чудесного, когда смотрела на эту картину. Это были простые, словно весенний утренний дождь, цветы без приторной яркости. Нежные, девственные незабудки и лиловые колокольчики стояли в простой стеклянной вазе и, казалось, издавали чуть слышный аромат. Они были настоящие, похожие на весну. Они и были самой весной. Эту картину для Маргариты Семеновны написал дедушка.

Несколько лет назад под старым плюшевым диваном Лиза нашла небольшую кожаную сумку, в которой аккуратной стопкой были сложены письма, написанные мелким, ровным почерком, как и положено почерку архитектора. Степан Ильич, так звали дедушку, делился своими мыслями, сменой настроений и всем важным с бабушкой Лизы, когда жизнь на какое-то время разлучала их. Все семьдесят писем, написанных им из армии, были сложены плотной стопкой и перевязаны красной атласной лентой. И во всех семидесяти было одно, сказанное разными словами: он скучал, а она ждала его со всей преданностью и чистотой первой любви.

«Марго, моя дорогая Златовласка. За исключением раннего подъема и того, что мне практически все время хочется спать, – кажется, я научился спать даже стоя, – в армии нет ничего плохого. Знаешь, я горжусь тем, что могу защищать тебя. Именно это должен делать настоящий мужчина. Защищать свою любимую. Обещаю тебе, что буду всю жизнь любить и беречь тебя.

Маргарита, Марго, как же я тоскую по нашим тихим и уютным беседам. В них – жизнь, в них – мое желание сказать что-то важное и поделиться новым только с тобой, не боясь насмешек и непонимания. Оказывается, человеку так важно быть понятым. Одиночество уже не так привлекательно, как казалось в юности. Только с тобой я могу быть самим собой, а разве может быть что-то более важное для мужчины?

Ты – моя весна, такая осязаемая и ускользающая.

Береги себя!

Твой Степан».

«Твой Степан», – тихо произнесла Лиза.

На полу лежал мягкий персидский ковер с повторяющимся аловом и маленькими разметками по бокам, окруженный листьями, напоминающими перья. Лиза тщательно чистила его, потому что ей было жаль выколачивать из него пыль. Казалось, что сильными ударами она выбивала из него историческую память. Поэтому она оттирала накопившуюся грязь небольшой щеткой – фрагмент за фрагментом. Любила устраиваться на ковре вечерами, уютно поджимая под себя ноги, словно японская гейша. Читала, заваривая себе крепкий чай с лимоном и малиновым вареньем, словно медитируя, впуская в себя чистую энергию.

Ей нравилось доставать письма дедушки, любоваться его мелким, убогим почерком, ровными буквами на потемневшей бумаге.

«Маргарита, ты одна понимаешь меня и чувствуешь мое отношение ко всему...»

«Маргарита», – тихо повторяла она. У нее осталась черно-белая фотография бабушки, но из строчек этих писем, словно из ярких мазков, она складывала ее образ – гораздо более отчетливый и живой, чем на той фотографии. Иногда дедушка Степан называл ее Венецианкой. Лиза думала, что это из-за волос, которые на черно-белой фотографии были рассыпаны густыми упругими локонами, уверенно спадающими на узкие плечи. У Лизы тоже были нежные плечи, но из-за излишней худобы ключицы неуклюже торчали, а сквозь белоснежную кожу тончайшего фарфора просвечивали тонкие девичьи вены.

Она любила эту комнату, где часто скрывалась от излишней суеты, и относилась к ней как к особой субстанции, волшебному невидимому кокону, охраняющему ее от невзгод.

Уже год Лиза преподавала на кафедре психологии, а вечерами через день ходила на практику к «моим психам», как она нежно называла пациентов «Зеленой Пряжки», все время вспоминая, что когда-то пациентом «Пряжки», психиатрической больницы номер два, был и Иосиф Бродский. В 1964 году его заперли здесь на три недели, причем первые три дня держали в палате для буйных. Позже, отвечая на вопрос, какой момент в его советской жизни был самым тяжелым, Бродский, не задумываясь, назвал недели, проведенные на Пряжке. Это странное место окнами на воду, где реки, выливаясь одна в другую, наконец вырываются на простор.

Немного изменилось здесь, и по-прежнему внутренний вид больницы и люди с удивительным равнодушием, сравнимым с врожденным садизмом, вызывают страх и желание бежать без оглядки от этой чужой и безысходной гримасы жизни. Про Лизу верно было бы сказать, что не она выбрала работу психолога, а работа психолога выбрала ее. Оставшись сиротой в шестнадцать лет, в возрасте, когда так нужна любовь, а вопросы, о которых ты и не подозревал, требуют незамедлительных ответов, она крепко усвоила, что человеку в состоянии горя можно и нужно помочь, только важно действовать правильно, чтобы все получилось. Человек, пере-

живая горе, оказываясь в беде, часто ведет себя неадекватно: перестает есть, лежит неделями носом к стене, кричит и бьет стекла, а осколком еще и режет себе вены, горбясь в ледяной ванне. И тогда человека не нужно учить жизни, не нужно говорить ему: держись, все пройдет! Не нужно утешать его какими-то примерами из собственной жизни или жизни никому не известных знакомых, а просто важно говорить самые простые и верные слова: я с тобой, я рядом, ситуация сложная, но я обещаю, что ты не останешься один. Я с тобой. Для себя она решила, что ей хочется быть именно тем человеком, кто будет рядом, когда больше рядом быть некому. В такие моменты рядом с Лизой была бабушка. Она подолгу держала ее за руку и гладила своей мягкой теплой ладошкой, перебирала волосы Лизы и заплетала их в ровные колосья кос, укладывала себе на колени ее голову и рассказывала какие-то простые истории, которых Лиза раньше и не слышала, про то, как они ходили с дедом за грибами и ездили на реку рыбачить, а потом варили на берегу уху в котелке, и это была самая вкусная уха на свете.

В «Пряжку» попадали самые разные пациенты. Кому-то из них вовремя не были сказаны именно эти простые слова, и поэтому они оказывались в этом филиале ада на земле, куда привозили людей с тяжелыми психическими расстройствами, с шизофренией, паранойей, тяжелыми формами депрессий, а еще тех, кто выжил после того, как решил свести счеты с жизнью, но ему не повезло и его привезли в это страшное место. Лиза понимала, что не может относиться к каждому предельно внимательно, пытаться облегчить его боль и разгадать ее причину: кто-то был уже исключительно в своем невозвратном мире и не нуждался, вернее, не мог принять вмешательство извне, но она отчаянно хотела помочь тем, кому это было необходимо и, главное, кому еще можно было помочь.

Лиза налила себе крепкого чая, как всегда с ложкой меда. Соседка по квартире Антонина Петровна нередко угощала ее и явно испытывала симпатию к этой нежной и всегда грустной девушке с недосказанной полуулыбкой, отражающей одновременно состояние грусти и радости, тревоги и спокойствия. Лиза присела на диван и щелкнула пультом телевизора. Сегодня можно было не спешить и спокойно насладиться утром, его неизбежностью и обыденностью, что давало Лизе это очень важное для нее чувство уверенности, если не считать новостей, которые в большинстве случаев разрывали собой пространство и делали воздух в комнате тяжелым. Это было традицией – смотреть региональные новости перед уходом на кафедру, ведь каждая новость была для нее еще одним посылом спасти мир, который так нуждался в ней, а может быть, для нее это стало единственным смыслом. Для этой хрупкой девушки, которая научилась быть сильной.

Раздобревшие лица депутатов с ярким румянцем от переполняющих эмоций спорили о проведении нового закона с нескрываемой агрессией. Еще немного, и, казалось, они вцепятся друг другу в горло, и дело не в том, что каждый из них так переживал за судьбу закона, а просто внутренняя несогласованность вырывалась наружу злобой.

Диктор спокойно выговаривала каждое слово своими ровно очерченными губами, словно не имела права выражать эмоции, выдавая необходимую информацию.

«Наверное, у них стальные нервы или они проходят специальную подготовку, чтобы не сойти с ума от бесконечных потерь и горя. А ведь эти новости никогда не исчерпают себя, потому что невозможно остановить новые трагедии. В мире постоянно кто-то погибает, и стоны их близких неслышно уходят во Вселенную, накапливая исторический опыт и память».

Еще одна авария – лицо диктора стало сосредоточенным и казалось окаменевшим. Только что поступило сообщение о том, что в самом центре Петербурга, на пересечении Невского проспекта и Садовой улицы, столкнулось два автомобиля, такси и большой джип «тойота». В результате аварии в такси погибли два человека – женщина и ребенок. Водитель доставлен в тяжелом состоянии в больницу. Мужчине, управляющему джипом, не потребовалась госпитализация.

На экране снова появилось лицо диктора. Лиза щелкнула пультом.

Глава 2

*Все, что неожиданно изменяет нашу жизнь, – не случайность.
Оно – в нас самих и ждет лишь внешнего повода для выражения
действием.*

Валерий Брюсов

**Санкт-Петербург,
наше время
Диана**

Мы все зависим от случайностей. И трудно поверить в то, что именно она, случайность, неуверенной рукой рисует траекторию моей жизни. Я не хотел признаваться в этом даже себе. Я не хотел признавать себя пораженным и отдавать победу ей, но теперь, когда я узнал, что она вольна повелевать нами и играть в злые или добрые игры в зависимости от своего настроения, теперь я хочу предостеречь всех от глупой, поверхностной самоуверенности и самонадеянного счастья, такого неверного и обманчивого. Не подумайте, что я сомневаюсь в возможности счастья как такового, это бессмысленно и обнуляет весь исторический опыт, ведь только поиск и нахождение счастья есть смысл пути. Я не посмел бы посягнуть на это. Я просто пытаюсь сказать, что порой оно бывает обманчиво и непостоянно и бросает нас в самый неподходящий момент, когда мы не готовы к удару и просто не находим силы для дальнейшей веры, а значит, и жизни.

Мне нравится лежать на жестком, укрываясь при этом мягким одеялом. Может быть, именно это и создает контраст как некую метафору самой жизни, постоянно меняющихся полос, похожих на зебру, или вечной борьбы добра и зла. Я перестал относиться к жизни как к данности, выдающей нам порционно радости и горя, удачи и потерь. Я живу с ней в любви, я люблюсь ей, как любовался Дианой, когда мы познакомились, столкнувшись у метро. Я никогда не был дамским угодником и не искал новых побед, чтобы поставить еще одну зарубку на шкале своего мужского самолюбия. Мне всегда казалось, что женщина сама по себе удивительное явление, тайна, всегда на грани добра и зла, и иногда так трудно понять, чего в ней больше. Мужчине остается только смириться с этим или укрыться в своей холодной келье одиночества, нести эту ответственность и наполнять сосуд гармонии, называемой любовью. И неважно, кто первый, эта гонка за первенство не имеет никакого смысла и уж точно рисует туманное будущее в согласии инь и ян, ведь именно взаимодействие полярных космических сил делает возможным бесконечное существование Вселенной. Иногда мне кажется, что ничто не внушает столько подозрений, сколько любовь. Именно она проникает в душу глубже, чем все иные чувства, и сковывает ее. Наши души беззащитны перед ней, опасной и коварной, бросающей в самые сложные времена, когда мы уже успели поверить в ее существование, обмякнуть в притворных теплых объятиях, потеряв свою силу.

Я был не из тех мальчишек, которые с утра до ночи играют в футбол. Честно говоря, я никогда не понимал этого, на мой взгляд, странного занятия, когда люди гоняются за мячом и изматывают себя с одной-единственной целью – забить гол. С восьмого класса мне было абсолютно ясно, что физика мне интересна как наука и влечет не меньше, чем других мальчишек футбол и всякие дворовые приключения. В то время когда многие искали явный компромисс с учителем, я с нетерпением ждал урока, вернее, перемены, чтобы показать Семену Яковлевичу, учителю физики, все свои дополнительные упражнения и задачи. Школьная программа уже давно была пройдена мною самостоятельно. Вместо того чтобы летом кататься сломя голову на велосипеде или воровать на даче неспелые яблоки в соседнем саду вместе с мальчишками, я

увлеченно читал учебник по физике за девятый класс, который нам выдавали заранее. Я спорил сам с собой и с теми решениями, которые предлагались в учебнике. Репетиторство, как дополнительный заработок учителей, тогда еще не вошло в моду. Семен Яковлевич, очарованный способностями и моим повышенным интересом к предмету, с юношеской радостью, несмотря на свои шестьдесят пять, объяснял сложные моменты. Я был ему нужен. Может быть, мои исписанные мелким почерком тетради были для него оправдательным моментом выбранного пути. Такое случалось нечасто, что кто-то искренне проявлял интерес к физике, преследуя не только желание получить хорошую оценку в аттестат. Иногда мы просиживали по несколько часов, забывая про обед и еще про очень многое.

Математика давалась мне легко и не была столь загадочна и интересна, как физика. В ней не было тех тайн, которые так хотелось разгадать, ведь математика – это эмпирическое тождество законов физики. Эйнштейн был выдающимся физиком, но не лучшим математиком: зная все о законах Вселенной, он не все мог выразить в уравнениях, да этого и не требовалось. Математика базируется на формальной логике, для нее равноправны и геометрия Евклида, и геометрия Лобачевского; физика же должна отражать только одну реальную геометрию, существующую в природе. Единственной недостижимой величиной для меня, тем, что внушало мне чувство восхищения, была музыка. Окончательно я понял это, когда впервые увидел запись Первого фортепианного концерта Чайковского в исполнении Вана Клиберна. Удивительно, ведь пианист неоднократно играл этот концерт в разные годы в разных странах, но запись 1958 года, когда он исполнял концерт вместе с оркестром Московской государственной филармонии, запечатлела что-то уникальное, особый душевный подъем, который не повторяется. Музыкант стал знаменитым один раз и на всю жизнь. Даже если после этого он не сделал бы ровным счетом ничего, ему до смерти было бы чем гордиться. Я понимал это тогда и знал, что у меня нет шанса.

Сам я был абсолютно лишен слуха и музыкальных способностей, хотя это спорный вопрос, ведь интерес и любовь во многом увеличивают способности, лень часто нивелирует любые данные, в конце концов съедая их. Но я отнесся к себе объективно, несмотря на свой юный возраст, это случилось на приемных экзаменах в музыкальную школу. Полная, неряшливо одетая женщина села за рояль и сыграла простую мелодию, потом раздраженно попросила меня пропеть ее.

– Как это – пропеть мелодию? – искренне удивился я, рассеянно наблюдая за ней. Я и вправду не понял.

Женщина закатила глаза и стала бить в ладоши. Чуть позже она прекратила аплодировать самой себе и велела мне повторить «ритмический рисунок». Мне не приходилось слышать раньше такого термина, и, кажется, я заплакал. В коридоре меня ждала мама, и это было спасением, той планетой, где меня понимали и принимали, даже если я не мог воспроизвести ритмический рисунок. Мама всегда была моей спасительницей, мадонной, оберегавшей меня, защищавшей от всех несправедливостей, идеализируя мой мир, в который я долгое время верил.

– Знаешь, – мама обняла меня, – ты самый лучший!

– Угу, – пробурчал я, уткнувшись носом в ее мохеровую кофту, которую так любил. Ворсинки приятно щекотали нос. – Я ничего не понимаю в музыке.

– Ты? – Мама отстранила меня от себя и внимательно посмотрела мне в глаза. – Ты ее не понимаешь. Ты ее чувствуешь, Марк, лучше, чем кто-либо. – «Нет», – хотел возразить я. Но мама перебила меня и серьезно добавила: – Неужели ты думаешь, что эта женщина с нелепой прической и в дурацкой кофте понимает в ней больше?

Мне почему-то стало смешно. Я вспомнил, как экзаменаторша короткими полными ногами нажимала на педаль фортепиано, и улыбнулся.

Я родился в заурядной советской семье инженеров, хотя в то время айкью любого инженера было намного выше сегодняшних кандидатов каких-либо наук, а то, как жили и мыслили мои родители, трудно было назвать заурядностью и ограниченностью. Они работали вместе на заводе программистами. Тогда эта профессия не была еще столь актуальна и востребованна. Утром рано уезжали вдвоем, предварительно позавтракав омлетом или овсяной кашей, все время в диалоге друг с другом, дополняя и помогая, – такое тихое, не кричащее и не аляповатое счастье с настоящим, естественным вкусом жизни. Поскольку родители много работали, моим воспитанием по большей части занималась бабушка Полина Сергеевна.

Она никогда не повышала на меня голос и усиленно пыталась каждым словом и поступком доказать, что я лучший и это ни в коей мере не подлежит никакому сомнению, просто лучший, и все. Точка, и никаких сомнений.

С детства у меня была удивительная черта. Я никогда не любил биться в закрытую дверь – в прямом и переносном смысле. Поэтому я просто взял свою маму за руку, и мы спокойно вышли из здания музыкальной школы.

Однако столь эмоциональное испытание не помешало мне любить музыку. Я слушал музыку сердцем, воспринимал все нюансы. На день рождения родители дарили мне пластинки с записями Чайковского, Моцарта, позже – джазовые пластины, что было большой редкостью и своего рода непопулярностью в советских семьях.

Моя бабушка Полина Сергеевна всегда удивлялась:

– Как можно так чувствовать музыку при отсутствии слуха? Твой экзаменатор явно был болен. Кстати, Маркуша, еще не поздно, и мы можем повторить попытку... – При этом она красиво встряхивала своей аккуратной головой с низкой прической.

– Закончим с этой темой, – недовольно отвечал я.

Нет, я не злился и уже тем более не взращивал в себе ненужные комплексы, так мешающие в нашей взрослой жизни. Я просто потерял интерес к реализации идеи стать музыкантом.

Есть в этом какая-то тайна выбора, которая диктуется нам самой жизнью. Кто знает, кто или что за ней стоит. Зависит это от сиюминутного настроения попутчика, оказавшегося на нашем пути именно на этом отрезке, или расположения звезд, так шутивно заигрывающих с нами? От метеоусловий, на время снизивших наши природные способности? Может быть, все это и есть тайна судьбы, соединяющая фрагменты нашего настоящего с таким далеким и понятным будущим...

В свои тридцать я не был девственником или мечтательным и похотливым монахом, тайно вожделеющим и возводящим плоть в самый большой грех. Нет, я был обыкновенным, слегка разочаровавшимся романтиком, мечтавшим о великой любви и где-то в глубине души, несмотря на все сомнения, ожидавшим ее. Мы все так или иначе ждем ее, даже если не признаемся и уверяем себя, что нам и так хорошо или что любовь бывает и другой, как у Алеши в «Братьях Карамазовых» – любовь к людям, например, или к жизни. Или к Богу. Лично я в этом смысле ближе к Фрейдю и считаю, что самая низменная плотская любовь способна изменить в одночасье всю философию человека, его придуманные принципы, стереть их жирные прорисованные линии, словно ластиком, так, что и следов не останется. И тут уже не до любви к человечеству, все воплощается в одном, единственном или единственной.

Первая близость у меня, как и у большинства мужчин, случилась неожиданно, хотя именно этого я уже давно ждал и тайно видел во сне, как целую нежные девичьи губы, чуть приоткрытые и доверчивые в своей невинности. Но в первый раз все произошло совсем не так, как во сне, скомканно, являясь скорее утолщением разгоревшейся плоти, нежели удовольствием. Я был не на высоте и ничего не почувствовал, получив свой первый оргазм. Я впервые был с женщиной, вернее, с совсем юной Ритой, которой едва перевалило за восемнадцать. Два студента, неопытные, бледные и совсем не искушенные жизнью, покрытые оковами сомнений.

Все это было как-то нелепо. Наверное, потому, что мы оба были неопытны и толком не понимали, что нам нужно друг с другом делать.

– Марк, – шептала она и почему-то отчаянно кусала мне ухо.

А я не мог ничего сказать в ответ, онемевший от страха, обессилевший и покрытый испариной, словно совершил пробег на десять километров. Больше всего мне хотелось, чтобы это скорее закончилось, и Рита наконец-то оставила меня и мое ухо в покое. Я был похож на сжавшуюся пружину и не хотел уже больше никакой нежности, – что я мог тогда понимать о ней? – а лишь мечтал, что сейчас открою глаза – и никого не будет рядом, Рита исчезнет, а вместе с ней и это чувство стыда и навязчивый запах дешевых духов, с которыми она явно переборщила.

– А как насчет того, чтобы повторить?

Она сбросила с себя одеяло, а я чувствовал, что меня сейчас стошнит. Мне не хотелось быть грубым, и я промямлил:

– Прости, я что-то плохо себя чувствую. Видимо, съел что-то не то.

– Ну, как знаешь.

Она резко встала и поспешно оделась.

Уходя, она бросила мне небрежно:

– Слабак!

А я закрыл глаза и, как мне показалось, умер от стыда и отвратительного чувства безразличия и нервного перевозбуждения. Из-за внутреннего стеснения появилось недоверие, самое страшное явление в человеческих чувствах. Постепенно к нему примешивалась агрессия, и вот чувств как и не бывало. Когда ты случайно встречаешь на улице того, с кем был в заговоре тел, и перейти на другую сторону уже не получается, а сказать друг другу нечего...

– Как твои дела?

– Нормально, – отвечаешь ты, выжимая из себя улыбку. – Ну, удачи тебе во всем, – продолжаешь чуть виноватым голосом и, сославшись на то, что спешишь, удаляешься быстрыми шагами, словно вор.

Потом была другая девушка и еще много других, имена которых я сейчас и не вспомню. Была опытная вдова неопределенного возраста, которая в буквальном смысле напала на меня со всем своим накопившемся жаром в одном из баров, когда я начинал зарабатывать первые деньги и серьезно задумываться о бизнесе. Я благодарен ей за те тайны удовольствий, которые она открыла для меня. Словом сказать, у меня был определенный опыт общения с женщинами. Но я все еще чего-то ждал.

Я точно помню, почему я оказался именно у этой станции метро и что там делал. Когда в нашей жизни происходит что-то очень важное, самое важное, в памяти, словно в летописи, записываются все особенности этого момента, все краски, все нюансы, которые так повлияли на эту встречу, изменившую твою жизнь и судьбу, а может быть, наконец-то нашедшие ее. В тот день я встречался с одним предпринимателем, который предлагал очень выгодные цены на принтеры для компьютеров. Ему удалось закупить их без всяких наценок. Предложение было выгодным, отсутствие взаимодействия с российской таможней уже внушало оптимизм, и я согласился на его условия встречи и подъехал в одно из кафе неподалеку от метро «Горьковская». Я даже сам не заметил, как из подающего надежды физика превратился в торговца компьютерами, или, как говорили тогда многие, оказавшиеся в девяностые перед выбором своего пути и соблазном заработать, с гордостью называя себя бизнесменами. Я приехал на метро, что со мной давно не случалось, и с какой-то прямо-таки жадностью и удовольствием наблюдал за людьми, за их такими разными лицами, позами; многие увлеченно читали и мне это было приятно. Когда, довольный результатом переговоров и предстоящей сделкой, я шел обратно к метро, со мной произошло то, что невозможно запланировать и предвидеть: просто я встретил женщину, и она вот так легко изменила мою жизнь. Ее невозможно было не заметить – удивительное лицо: открытое, красивое и очень чувственное, чуть бледное, но в волнах каштановых

волос оно казалось изысканным и таинственным. Она выглядела прелестно в светлом, очень светлом платье с расклешенной юбкой, которая еще больше подчеркивала тонкую талию. На улице цвел всеми красками май. Самый прекрасный период в Петербурге, когда после долгих темных дней, мало чем отличающихся от утра или вечера осенью и зимой, мир переходил в другое состояние – цветения и волнения.

– Добрый день, – неожиданно для себя произнес я и тут же добавил решительно, словно говорил это каждый день: – Я провожу вас?

Это не был вопрос, но скорее жизненная необходимость, преобразовавшая интонацию в утверждение. В моем обращении не было излишней вежливости и вдумчивости в выборе построения предложений. Я просто знал, что должен проводить эту женщину. Она улыбнулась, молча соглашаясь, и так красиво сложила губы, что мне немедленно захотелось, чтобы они вот так, удивленно-естественно, постоянно отражались в моих глазах.

– Меня зовут Диана, – почти пропела она и уверенно протянула свою тонкую руку, без притворства и надуманного кокетства.

– Марк, – нарочито громко ответил я и взял ее руку в свою.

Я ощутил мягкость и теплоту. Это было странное чувство чего-то родного и знакомого, чего-то, что я знал уже когда-то, в детстве, дающего мне силы, пробуждающего чувство доверия, тепла, словно это было прикосновение матери, как награда за все предыдущие годы звенящей пустоты, как оправдание моего существования.

Ее рука была как музыка, и мне показалось, что именно я смогу сочинить великолепную увертюру к нашей последующей истории. Я держал ее за руку и чувствовал... Чувствовал, что люблю всем своим прошлым и настоящим. Ее приход был как приход весны: весна ведь всегда, в отличие от других времен года, наступает неожиданно и вместе с тем торжественно, пробуждая дремлющие в природе силы, наполняя пространство новыми цветами и запахами.

Я в мельчайших деталях запомнил каждую черту ее необычной внешности, в которой прошлое как будто переплеталось с настоящим: ее лицо, обрамленное каштановыми волосами, напоминало лица дам эпохи Возрождения, как будто запечатленное кистью Боттичелли, в этом лице не было ни грани жеманства, оно было настоящее – мне трудно подобрать здесь другое определение.

Диана ворвалась в мою жизнь своей сдержанной улыбкой Джоконды, а еще своей удивительной кожей. Ощущение кожи... Я, наверное, слишком тактильный – сенсорик, чувствующий мир больше кончиками пальцев, чем органами зрения и слуха. Может быть, я продвигаюсь по жизни на ощупь, и Диану тоже встретил в каком-то смысле на ощупь, как будто шел в кромешной темноте по длинному узкому коридору, придерживаясь за шершавую стену, и вдруг наткнулся на ее теплую нежную руку. Какая-то незаконченность, своего рода некоторая угловатость в фигуре придавала ей особое очарование. Даже после того, как она стала матерью, в ней сохранилось обаяние девичьего образа. А еще у Дианы была какая-то непостижимая дымка доверия и растерянности. Глаза ее напоминали мне глаза алжирских красавиц Ренуара. Диана была эклектична до невероятности, собрав в себе все нюансы эпох, но в этом она была и прекрасна, создавая для меня непостижимый, уникальный образ женской красоты.

Диана была моим спасением. Благодаря ей у меня были своя правда и свое оправдание моего существования. Я должен был доказать, что я лучший, не допустив разочарования любимой женщины. Диана придавала особый смысл всему и словно издавала запах – запах весны. Да... Да... До встречи с ней я не различал запахов, не чувствовал их различий и тонкостей. Диана пахла весной, настоящей весной с набухшими почками, запахом пробуждающейся сирени и только что распустившейся мать-и-мачехи. У нее был особый, чуть терпковатый запах. У каждой женщины есть такой свой запах, который невозможно заглушить даже самыми сильными духами, и мы, мужчины, всегда его чувствуем. Может быть, я беру на себя слишком большую ответственность, отождествляя себя со всеми. Во всяком случае, мне так каза-

лось. Мы часто гуляли в парке, и я любовался природой, в которой вершилась своя история, не выдуманная, а реальная. Подснежники сменялись незабудками, а незабудки – иваном-да-марьей. Я держал Диану за руку и был счастлив.

Когда в десятом классе каждый задавался сложным вопросом выбора. Как правило, у многих это было промежуточным временем между свиданиями и какими-то посиделками, попросту говоря – попойками, когда кто-то умудрялся достать дешевого вина или портвейна. Я не встречался с девушками и не пил. Поэтому был мало кому интересен. Не потому, что они меня не интересовали или я был геем. Нет. Я просто не встретил ту, которая бы пахла весной и слушала бы джаз.

Из всех институтов я как-то сразу выбрал физмат государственного университета. Это было абсолютно естественно.

Там было все необходимое. Физика и основы программирования, которые были мне интересны... Иногда я забывал поесть, и мама приносила мне перекусить в комнату.

Я помню вступительный экзамен по физике. Когда невыспавшиеся ребята с заплаканными глазами и всклокоченными волосами тихо переминались с ноги на ногу. Ждали прихода комиссии. Я был так спокоен, что казался отстраненным, словно просто вышел погулять и неожиданно проходил мимо.

– Парень, тебе, может, шпоры дать? Ты что-то совсем.

Рядом стоял невысокий молодой человек. Лицо все в веснушках.

– Меня Сеней зовут. – Он улыбнулся. На щеках проявились великолепные, невероятно обаятельные ямочки.

– Марк, – тихо ответил я. И протянул руку.

– Ну, так что, дать тебе конспект? Я два года ходил на подготовительные. – Сеня чувствовал себя взволнованным, но уверенным.

– Как-нибудь справлюсь. – Я снова улыбнулся. Мне было приятно, что незнакомый рыжий парень проявляет ко мне заботу и внимание.

Работа была закончена мною раньше. И я думал о какой-то ерунде, тянул время. Почему-то пропевал, именно пропевал про себя песни «Битлз».

Когда я вспоминаю свою уверенность, вернее, самоуверенность, то не могу поверить, что это был я. Хотя это касалось только физики и собственно университета. У меня была какая-то внутренняя уверенность в правильности своего выбора пути и в том, что я уникальный в своем роде.

Так было и с Дианой. Наверное, моя бабушка была права. И я просто обладал незаурядной интуицией. Когда я увидел и почувствовал множество других орбит внутри ее прекрасной оболочки.

Я всегда очень чутко реагировал на этот канал восприятия. Сильнее, чем другие. Архаичный механизм на каком-то молекулярном уровне действует во мне сильнее. Даже кофе я различаю по особым оттенкам и нюансам. Сначала это был ее запах. Очень тонкий и нежный, чуть с горчинкой хемосигнал. Он скрывал за бледностью ее тонкого лица страсть и безграничность ее натуры.

А потом, после первого поцелуя, возвысившего нас и стершего все границы, сделавшего в одно мгновения даже самые невозможные вещи возможными. Отпустившими все страхи, все сковавшие нас опасения и тревоги.

В одном из журналов я читал исследования Тасин Сэкстон из Ливерпульского университета. Она организовала вместе с коллегами серию быстрых свиданий. Эти мероприятия очень популярны в Америке. Мужчины и женщины, ищущие вторую половину, в организованном порядке общаются друг с другом по три минуты, а затем получают у организаторов контакты заинтересовавших их участников. Женщины, хоть и были осведомлены, что участвуют в научном исследовании, рассматривали происходящее как реальную возможность познакомиться.

Единственным отличием от обычного «вечера знакомств» было то, что перед общением с мужчинами женщин попросили коснуться ватным тампоном, пропитанным жидкостью, участка между верхней губой и носом. Это был тампон, пропитанный водой, раствором гвоздичного масла или концентратом андростадиенона, смешанного с раствором гвоздичного масла, чтобы замаскировать запах. При этом им не сообщали, к какой из трех экспериментальных групп ее отнесли.

В результате женщины, находящиеся под влиянием мужского феромона, сочли своих собеседников более привлекательными...

Не знаю, что больше свело меня с ума. Ее белая кожа, словно отлитая из мрамора без единого изъяна? Глаза открытые и чуть влажные? Губы чуть припухлые? Или ее хемосигнал с запахом гиацинтов и только что распутившейся мать-и-мачехи.

Она не была моей первой женщиной. Наверное, в тридцать это было бы уже патологией. Я должен был узнать других. Но все это было только ради нее.

Я узнавал их, чтобы завоевать ее любовь. Это сложно понять, особенно женщине. Но поверьте, все, что происходило в моей жизни до встречи с ней, я делал только для нее.

Мы вышли на дорогу и свернули в сторону Троицкого моста, забыв о своих предыдущих маршрутах.

– Кто назвал вас Марком? Красивое имя.

– Это мама. Она всегда все самое красивое выбирает. Это у нее в крови. Вам правда нравится? – спросил я, сам не понимая почему.

– Очень. Оно сильное и потерянное. Какое-то обволакивающие, как туман.

Мне было приятно слышать ее голос, чуть низковатый, ласкающий мой слух.

– У вас тоже прекрасное имя. Хотя вы совсем не похожи на охотницу.

– Охотницу? – удивленно переспросила она.

– Ну, да. Мне почему-то вспомнилась картина с изображением Дианы-охотницы какого-то художника, имя которого я не могу вспомнить. – Помню, что мы с мамой в детстве смотрели альбом с французской живописью, и сейчас мне вспомнилась картина из него. – Есть такая картина.

– Ну, допустим, их много. Но одна из самых знаменитых – Огюста Ренуара. Кстати, на ней изображена возлюбленная художника Лиза Трео.

– Наверное. А вы здорово разбираетесь в искусстве.

– Я просто его люблю. Вот и все. Мне всегда казалось, что человек разбирается в том, что ему интересно.

Я засмеялся. Это точно. Мне вспомнилось, как я на каникулах решал задачки по физике и математике, когда меня никто не заставлял этого делать. Мне просто нравилось складывать стройные цифры в сложные уравнения.

– Можно я буду говорить вам «ты»? – спросил я, и сам испугался вдруг своей смелости. Как будто с этим «ты» предлагал Диане что-то большее, всего себя.

– Как хорошо, что ты это сказал. Иначе я была бы первой.

Я обернулся, чтобы посмотреть на нее. Глаза Дианы приветливо улыбались мне.

У нас не было долгой прелюдии свиданий с томлениями и ожиданиями следующей встречи. Не было чтения стихов и волнительных ужинов со свечами. Вернее, все это было, но позже, когда мы уже были мужем и женой. А в тот день мы просто решили, что будем жить вместе, и через неделю Диана переехала в мою небольшую съемную квартиру, которых в нашей совместной истории было несколько, но ни одна из них не запомнилась ничем, кроме того, что там мы любили друг друга. Через три года наших скитаний, когда я, сам того не подозревая, превратился в серьезного бизнесмена, мы приобрели нашу просторную квартиру на площади Искусств. Мы выбирали ее вместе. Нам хотелось быть причастными к дыханию города, любоваться его историческим центром, и, просмотрев десятки квартир в старом фонде, многие из

которых своим внутренним видом внушали ужас, мы наконец-то нашли то, что искали. Диана была счастлива и представляла себе, как она покрасит стены в нужный цвет и обставит все в ее любимом стиле арт-нуво.

...И корабль мой плывет по этому чертову морю, мой корабль плывет, а капитан открывает бутылку виски, презрев тремор рук, и прикуривает новую сигарету, и бессвязно думает «боже мой боже мой боже мой», и я не могу не вспоминать Диану, ее улыбку краешками губ, ее волосы, перелетающие с плеча на плечо, о мой капитан, о мой капитан, эти годы, полжизни спустя, ничему тебя не научили.

* * *

Не помню, с какого момента я встаю каждое утро в семь. Пытаюсь проследить цепочку событий, но ничего не получается. Будильник тут совсем ни при чем. Я забыл его в своей предыдущей квартире на площади Искусств, которую продал, когда из моей жизни ушли Диана с Полей. Там было слишком много ее мира. Она выдумывала все сама, и я просто не мог там находиться, постоянно соприкасаясь с ней, которой не существовало в реальной жизни. Хотя и тогда я просыпался за несколько минут до звонка, не чувствуя усталости и желания понежиться до последнего под теплым одеялом. Мне просто нравилось опускать ноги на мягкий коврик и приветствовать новый день с его возможностями и неизведанностью. Я боялся пропустить что-то очень важное, что-то, что ждало меня желтой краской ярких событий и рассыпающимися разноцветными камнями калейдоскопа жизни. Перед сном я заводил будильник машинально, следуя сложившейся привычке, но он мне был не нужен.

Раньше у людей не было выбора: все будильники выглядели практически одинаково, да и действовали по одному принципу, оглашая округу пронзительным звоном. Технический прогресс позволил создать будильники на любой вкус. Все они соревнуются друг с другом в способности эффективно поднимать людей с кровати, и чего только не изобрели современные умельцы.

«Если ты проспал – значит, проиграл» – эта известная фраза, должно быть, вдохновила изобретательных создателей оригинального будильника, который соединяется через WiFi со счетом хозяина в банке, жертвуя той или иной организации определенное количество реальных денег каждый раз, когда хозяин решит подремать лишнего.

Летающие будильники, будильники, готовые поджарить вам бекон на завтрак, будильник, по которому нужно со всей силы стучать кулаком, чтобы он перестал верещать...

Сложно себе представить, как дисциплинировали себя наши предки до 1847 года, пока француз Антуан Радье не изобрел будильник! Внутренние часы нашего организма также хороши, если не лучше. Именно они курируют наш циркадный ритм, определяющий периоды сонливости и бодрости. В течение десяти лет я просыпался каждый день в одно и то же время. Мое тело научилось вырабатывать достаточное количество белка PER (белок, регулирующий цикл сна и бодрствования) примерно за час до пробуждения. Именно поэтому я просыпался раньше будильника, босиком выходил в коридор, чтобы не будить шарканьем домашних туфель Диану, и с какой-то гордостью заходил в свой кабинет с темными полосатыми обоями кофейного цвета, большим письменным столом из орехового дерева в классическом стиле и хрустальной люстрой внушительных размеров, которую так рекомендовала повестить мне Диана.

Окна кабинета, обрамленные темными шторами цвета оливы, выходили на площадь Искусств, и, широко распахивая их по утрам, я пытался почувствовать настроение города и будущего дня. Кабинет быстро наполнялся разными звуками: шумом проезжающих машин, смехом расхихившейся под утро молодежи. Бессонная ночь не оставляла никаких следов уста-

лости на их беззаботных лицах. Мне нравились их непосредственность и смелость. Я улыбался вместе с городом.

В ранние часы площадь похожа на старинную гравюру. В ней нет ничего лишнего, надуманного и ненужного. Площадь Искусств полностью оправдывает свое название, с достоинством демонстрируя классические фасады, строгие линии которых складываются в единый ансамбль. Гордо смотрящий вперед и чувствующий свое превосходство над всеми желтый фасад Русского музея, спокойный и торжествующий. Чуть более скромный и не такой выдающийся внешне Михайловский театр, скрывающий свое изящество за внешней простотой. А как мне нравилось наблюдать публику, расхаживающую после вечерних спектаклей. В обычные дни это были совершенно ничем не выделяющиеся из проходящей толпы на параллельной артерии Невского люди. Но как же менялся их облик, если спектакли выпадали на особые даты, когда Петербург превращался в культурную столицу, и в эти дни за стенами театра скрывались самые состоятельные мужчины в строгих, дорогих костюмах и светские львицы в изысканных украшениях. Женщины в длинных платьях пальцами в кольцах придерживали подол, демонстрируя стройные ножки в элегантных туфельках. Мужчины галантно поддерживали их и распахивали перед ними дверцы автомобилей. Молодые парочки спешили домой, торопливо оглядывая площадь. А летом, когда толпы туристов терпеливо стояли в очередях, чтобы попасть в Русский музей и увидеть Брюллова и Айвазовского, вороны горделиво расхаживали по зеленой траве и, не спрашивая разрешения, восседали на голове Пушкина, не догадываясь о его гениальности.

Я закрывал дверь кабинета, чтобы не разбудить Диану, и распахивал окно, делал глубокий вдох и осознавал, что счастлив. Доставал из ящика сигарету и закуривал, выпуская стройную струйку дыма в окно. В течение дня я не курил, не испытывая в этом необходимости, но утренняя сигарета была одной из моих слабостей, символом моего внутреннего диалога с самим собой и с городом.

Эта итальянская люстра с темными хрустальными подвесками не давала мне покоя. Ее выбирала Диана. Впрочем, она выбирала все. У нее от природы был безупречный вкус, она с легкостью комбинировала цвета и всякие безделушки, неожиданно преобразуя и делая все удивительно гармоничным, просто поменяв местами. Это что-то данное природой, просто как широкий жест или подарок, хороший вкус – как награда и наказание одновременно. Мне казалось, что я чувствовал ее и знал все, по крайней мере, мне так казалось, что я все знал.

Даже не верится, что когда-то я лежал на диване и любовался игрой света в хрустале, не подозревая о внутренней жизни моей жены и о том, насколько она талантлива. Я никогда не узнал бы об этом, если бы не обнаружил тот ничем не выделяющийся файл в компьютере и непреодолимое желание нажать пальцем несколько раз, чтобы на экране замелькали и наконец застыли ровные буквы. Вверху чуть более крупными было написано «Диана Лозинская» и чуть ниже – «Роман „Весна“». Я почувствовал, как внутри меня что-то изменилось и эти буквы стали самым важным, моей надеждой, единственной связью с ней, прекрасной женщиной с каштановыми волосами. Когда из твоей жизни уходят близкие люди, с первой болью наружу вырываются крики отчаяния, тело становится чужеродным, лишаясь возможности чувствовать и воспроизводить какие-либо движения без надобности. Потом ты понимаешь, что жизнь потеряла смысл, и пытаешься свести с ней счеты за несправедливость. Почему они? А ты? Тебе-то что теперь делать? Но как же становятся важны все нюансы и детали прошлого, счастливого, оно, словно волна, все время с новой силой возвращается к тебе и накрывает собой, разрушая песочные фигуры будущего, безнадежно рассыпающиеся на мелкие крупинцы. Тебе хочется прикрепить воспоминания к своей коже, просто прикрепить их степлером, чтобы еще острее почувствовать боль, когда на ум приходят все истории и все родинки, которые ты мысленно целуешь и считаешь. Рождение дочери и ее доверчивые, смотрящие на тебя широко открытые глаза из крошечного конверта, который поначалу и на руки-то боялся взять, спокойное и чуть раскрасневшееся лицо Дианы после того, как мы любили друг друга.

Этот файл с мелкими буквами стал моей надеждой, моим смыслом, моим поиском утраченной женщины. Это не было чем-то странным и необычным, если учесть, что Диана читала много книг по искусствоведению и испытывала особые чувства к итальянским художникам эпохи Возрождения, выделяя из всех скромного и противоречивого Сандро, но этот созданный ею параллельный мир, ставший таким реальным и осязаемым на мониторе компьютера, был тем, что я пропустил в ней, безнадежно утратил и теперь обрел.

Когда это случилось и моя жизнь отчетливо поделилась на *до* и *после*, я снял люстру и выкинул ее за дверь, повесив на деформированный, одиноко торчащий шнур неуклюжую лампочку. Она отчаянно торчала из потолка и была моей связью с прошлым, навязчиво и безжалостно напоминая о том, что уже не вернуть. Я не мог сопротивляться, да и не хотел. Это резкий, недвусмысленный свет был моим спасением. Любая люстра лишила бы меня этого, добавив свое настроение. Мне нужен был чистый свет без всякой примеси, чистый льющийся свет, как проводник. Идею с чистым светом я украл, не спрашивая разрешения. Так часто бывает, когда нам что-то очень нравится или созвучно нашему пониманию. Мы читаем книгу и, находя в ней *те самые* строки, подчеркиваем карандашом выдернутую из контекста мысль и бесстыдно приписываем себе. Мы все время без спроса берем чужое, не испытывая при этом чувства вины, без всяких церемоний.

Офис моей компании находился на Невском, в самом его центре, в доме 46, пульсирующей артерии города, и занимал несколько этажей. Я мог позволить себе помечтать и поработать в своем кабинете, прежде чем отправиться решать новые задачи по бизнесу, которые приходилось осмысливать все время, даже когда я спал, не отпуская закручивающиеся спирали дальнейших размышлений, зачастую просто забывая о том, что есть жизнь и семья, простые радости каждого дня.

Временами я приходил раньше своей секретарши и сам варил себе кофе. До работы я ходил пешком, и это было одним из тех явных и ощутимых удовольствий, которые присутствуют в нашей жизни.

С той поры как доход фирмы стал возрастать, а компьютеры уже безвозвратно входили в жизнь каждого, наши путешествия с Дианой превратились сначала в воплощение мечты, а потом – в жизненную необходимость. Поездка во Флоренцию, о которой она так много рассказывала мне, стала моим подарком на ее день рождения. Нашу шестилетнюю дочь мы оставили с бабушкой, чему она несказанно обрадовалась, предвкушая отдых от родительской опеки и румяные блинчики со сгущенкой на завтрак.

Я заказал номер в одном из лучших пятизвездочных отелей «St. Regis», на берегу реки Арно, на исторической площади Пьяцца Оньисанти, на пять дней. Мне самому поездка во Флоренцию казалась не вполне реалистичной. К тому же Диана просто бредила своими любимыми художниками, Филиппо Липпи, Леонардо да Винчи и Сандро Боттичелли, которого выделяла как-то особенно, считая его «Весну» самым загадочным и совершенным произведением во всей истории искусства.

– Хочу следовать маршрутами Леонардо и Филиппеппи, – довольная, повторяла Диана в самолете. – В конце концов, Марк, мы обретем свою собственную Флоренцию, как и должно быть. У нас будет своя Флоренция.

Ей хотелось кричать во весь голос от переполняющих эмоций, но она сдерживала себя, достала небольшой блокнот, в котором делала пометки, увлеченно записывая неровным почерком плотные строчки. Она писала всю дорогу, и меня это ничуть не удивляло тогда. Я помню, что на его обложке была изображена фиалка. Незначительная деталь, мимолетное наблюдение, но теперь оно кажется мне важным... Так, видимо, случается всегда, когда жизнь разделяется на *до* и *после*. Потом она составляла перечень тех мест, куда мы должны были отправиться.

– Сегодня мы обязательно пойдем на площадь Сеньории... – От волнения она говорила быстро и почти тараторила. – На этой площади, представь себе, звучат только людские голоса.

Ну, еще воркование голубей, конечно. – Она улыбнулась. – Но никаких машин, никакой кричащей рекламы... Где такое вообще еще можно встретить в наши дни? Марк, как я счастлива. – Она повернулась ко мне и прижалась так сильно, что я ощутил всем телом нашу близость, только ее и мою, словно других людей вообще не существовало.

– Конечно пойдем, – улыбался я, не желая сопротивляться и полностью доверяя ей. Мне нравилось ее волнение, и время от времени я целовал ее в шею, такую нежную и восхитительную.

– Как ты думаешь, галерея Уффици уже будет открыта? – Было видно, что этот вопрос занимал ее больше всего.

– Не волнуйся, у нас будет достаточно времени, чтобы все посмотреть. Прежде всего мы поужинаем. И не сопротивляйся. Тебе верится, что мы будем ужинать во Флоренции? Как насчет бокала белого сухого вина и свежей рыбки?

Мне хотелось, чтобы она похвалила меня и мою идею, мое искреннее желание доставить ей радость. Казалось, не было для меня ничего важнее ее ответа на мои старания, на мои усилия сделать ее жизнь не только приятной, незабываемой, но еще и по-настоящему счастливой. И я был готов следовать ее маршрутами и смотреть на ничего не значащие для меня картины этих великих мастеров, величие которых я не мог оценить, потому что просто не понимал. Потом она что-то писала на компьютере, быстро перебирая своими тонкими пальцами по клавишам.

– Что ты пишешь? – не удержался и спросил я.

– Да, так. Один клиент попросил подобрать материалы.

– Ты так увлечена?

– Марк, я всегда увлечена тем, что делаю.

Если бы я знал... Она писала свой роман.

Диана любила искусство. Оно стало смыслом ее жизни. Читала без конца и с годами собрала солидную библиотеку, в которой не было ни одной не прочитанной и обделенной ее вниманием книги. Собрание Вазари в старинном кожаном переплете, подаренное одним из друзей, им она очень дорожила, ведь это был подарок за первый в ее жизни совет по дизайну квартиры. «Суждения о науке и искусстве» Леонардо да Винчи, приобретенные Дианой у парижского букиниста: мы тогда впервые оказались с ней в Париже, я – по работе на конференции аййтишников, а она – как моя жена... Ливень в тот день был ужасный, словно решил затопить все вокруг, а мы, абсолютно мокрые, смеялись без конца и забежали погреться в старинную книжную лавку. Еще в библиотеке было полное собрание сочинений Достоевского, подаренное родителями, «Всеобщая история искусств» Гнедича с закладками на разных страницах, томик Гессе «Нарцисс и Гольдмунд», в котором она делала бесконечные пометки простым карандашом и перечитывала, каждый раз находя в нем что-то новое, увесистые альбомы Ренуара и Пикассо и еще много разных книг.

Искусство стало ее профессией, ее страстью. Диана была дизайнером и помогала людям почувствовать их пространство.

– Каждый человек должен сформировать свое собственное жилье, а дизайнер помогает распознать внутренний мир человека и отразить его в интерьере, – любила повторять она.

А еще она любила повторять, что нет современного искусства, а есть просто искусство, которое спасает людей и помогает им жить. Но в то же время единственным, кого она признавала из относительно современных художников, был Пикассо! Он, по ее мнению, хотя бы действительно умел рисовать, что и продемонстрировал в своем раннем периоде. Просто понимал, что на реализме далеко не уедешь. Пытался выдумать что-то эдакое, новенькое, чтобы стать известным и заработать. Ну а что здесь плохого? Она так смешно при этом пожимала плечами:

– Нормальное желание любого художника.

– Откуда берется эта бесформенность в современном искусстве?

– А мне кажется это поиском себя и смысла...

– Смысла? – повторила она в недоумении. – Какого смысла, Марк? Искусство должно нести красоту, вот его главное предназначение. Все остальное это просто желание выделиться.

Эти разговоры я поддерживал из-за любви к Диане, но, в сущности, я ничего не понимал в искусстве и уж точно не чувствовал той радости, которую испытывала она. Я даже не представлял, что это было ее второй параллелью, она носила в себе роман.

На следующей день мы направились в галерею Уффици, и лицо Дианы просто светилось радостью, как у ребенка, которому пообещали долгожданную игрушку. На Диане было темно-синее платье в маленький белый цветочек чуть выше коленей. Платье еще больше подчеркивало ее все еще девичий образ, а белые кеды великолепно обрамляли миниатюрные ножки. Мы вышли из отеля и пошли вдоль реки Арно, которая спокойно и безмятежно несла свои воды в далекое Лигурийское море.

– Марк! – Диана остановилась и зажмурилась. – Знаешь, мне на какое-то мгновение показалось, что я увидела всадников времен Боттичелли и самого Сандро, одиноко бредущего вдоль реки!

– Ну и фантазерка ты у меня! – пробормотал я растерянно и помимо своей воли уставился на набережную, по которой прогуливались немногочисленные прохожие – в основном туристы.

Поймав себя на мысли, что действительно пытаюсь рассмотреть среди них одинокую фигуру флорентийского живописца, я улыбнулся Диане, и, наверное, улыбка у меня вышла глуповатой.

Это был ее мир, это была часть самой Дианы, а она была крайне важна для меня, вся без исключений. Мы шли пешком по небольшим, узким улицам Флоренции, да и как можно передвигаться по-другому в этом городе, где откровения подстерегают путешественника за каждым поворотом и изгибом улиц. Старинный фонтан или изысканная площадь с маленькими балкончиками и уютными кафе, в которых, возможно, бывал сам Леонардо. Вот ты проходишь мимо роскошных дворцовых фасадов и заглядываешь в незнакомые храмы, чтобы полюбоваться живописью и мозаиками, зажмуриваешь глаза, оказавшись перед собором Санта-Мария-дель-Фьоре, пораженный его великолепием, чтобы подготовиться к тому, что ожидает тебя внутри. При всей своей колоссальности ни собор, ни кампанелла не обрушиваются на тебя, но лишь тепло касаются своей каменной грудью твоей груди. Они так совершенны, что им надобности нет ни на кого обрушиваться. Они словно стыдливо переносят из времени во время свою восхитительную совершенную юность.

– Остановись, мгновенье! – сказал я тихо, но Диана уже порхала дальше.

– Ты чувствуешь гармонию? Чувствуешь ее запах? – Она летела вперед в своих белых кедах, словно школьница.

Было такое ощущение, что она проходила этим маршрутом много раз и знает его наизусть. Запах гармонии! Только Диана могла такое выдумать! Она все время что-то рассказывала, а я просто отдавался ее воле.

Мы свернули с площади на улицу, и Диана бросилась мне на шею:

– Вот она, ты только представь... Галерея Уффици...

Перед зданием стояла внушительная очередь, и я ужасом подумал, что нам придется стоять здесь несколько часов. Но на мое удивление очередь шла довольно быстро, и через пятнадцать минут мы уже купили два билета в галерею.

– Боже, Марк, можно ведь с ума сойти, что мы здесь. Меня просто убивает это сознание ценности, наполненной, накопившейся... неистраченной... Нет... Ну, это действительно непостижимо. – Она словно разговаривала сама собой. – Здесь есть Филиппо Липпи, этот творец цвета и нежности. Марк, ты понимаешь?

Я следовал за ней как за светом, и все эти имена и картины слились для меня в единый совершенный образ Дианы в милых белых кедах, в образ женщины, которую я любил.

– Знаешь, Марк, я чувствую ностальгию по прошлому, красота которого кажется девственной. Понимаешь? Нетронутой и вечно юной.

Я молчал, радуясь, что она как будто и не ждала от меня внятных ответов. Так мы прошли несколько залов, пока Диана громко не вскрикнула: «Боттичелли!» – так, что экскурсоводы во всем зале замолчали и несколько туристов с растерянными лицами уставились на нас. Она что-то говорила мне об этом художнике и при этом отчаянно жестикулировала. Из всего я запомнил только, что картина называлась «Весна», и еще милое лицо девушки на противоположной стене, девушки с развевающимися на ветру медными волосами, которые она придерживала, стыдливо прикрывая свою наготу. Но я был счастлив тем, что счастлива Диана. Мы вышли из музея и снова оказались на берегу Арно. Флоренция была снова перед нами – и мост Понте Веккио, и набережная, напоминающая отдаленно Петербург и благословенно залитая медным светом.

Мы прошли еще несколько кварталов, и вдруг я увидел здание, которое было не похоже на все, что я видел до этого во Флоренции. Оно было словно отполировано и сверкало новизной, резко контрастируя с другими старинными домами с налетом истории и чуть обветшалой штукатуркой, которая ничуть не портит впечатления, а лишь прибавляет ему еще больше ценности. Это был Музей современного и искусства, и мне почему-то захотелось зайти туда, назло всей этой старине и идеальной красоте. Диана не сопротивлялась, а даже, наоборот, обрадовалась моему такому явному желанию. Пусть современное, но все-таки искусство, живопись! Не сомневаюсь, что в глубине души она надеялась со временем обратить меня в свою классическую веру. Картины в этом музее современного искусства показались мне похожими на рисунки маленьких детей, несмотря на то что представлены они были великолепно, с совершенным светом и этикетажом во всю стену, объясняющим глубокий смысл полотен, так называемых шедевров современного искусства. В этом благодаря Диане и количеству посещаемых выставок я точно начал разбираться.

Я ходил по залам, словно что-то искал. Мы прошли весь этаж. Оставался последний поворот. Свернули в небольшую комнату. В ней не было практически ничего, только с потолка свисала лампочка, голая лампочка на нелепом металлическом шнуре. Из нее лилась вода, похожая на чистый желтый свет. Мне показалось, что он освещает все пространство и меня самого. Он лился ниоткуда. Диана стояла рядом и с удивлением смотрела на меня.

– Неужели что-то привлекло здесь твое внимание?

– Этот свет, – растерянно сказал я, – непрерывный льющийся свет.

Диана подошла ко мне вплотную и поцеловала в губы.

– Вечный льющийся свет, – добавила она тихо. – Как вечная любовь. – И быстро вышла из зала.

Поэтому я не менял лампочку. Я смотрел на нее как на самый важный и нужный элемент, как на единственную возможность связать меня с той минутой или с тем ускользающим кратким мгновением моего состояния и моих чувств – с тем моим ощущением, когда, находясь в том странном музее, я увидел тот льющийся ниоткуда свет и осознал всю полноту своего счастья, которое оказалось таким же кратким.

Иногда я целыми днями лежал на диване и смотрел на свет. Он рассказывал мне в подробностях мою историю. Я вспоминал каждый миг моей жизни с Дианой. Смотрел на свет и ждал, что решение обязательно придет.

– Ты неправильно меня понимаешь... – говорил я.

– Ну, тогда переубеди меня... – отвечала Диана.

Все отдать за то, чтобы еще раз поговорить с любимой женщиной, не спорить, а просто слушать, слушать ее без остановки и наслаждаться этим.

Недавно я подумал, что я любил ее без ничего, без шелухи, любил самую ее суть, а она, может быть, не понимала этого. Она хотела, чтобы ее любили как кого-то. Она хотела стать

кем-то. Она уже никогда не поймет, что та ее суть, о которой она сама знала так мало и часто вовсе забывала, та, которую я любил много лет (и прекрасным образом люблю до сих пор), это и было самое главное. То, что практически невозможно определить словами. Неуловимое, как мгновение подлинного счастья.

Все чаще я не хочу ее больше любить. Любить больно. Любить кого-либо больно. Не важно кого. Любить маму больно. Любить отца больно. Любить друзей на расстоянии – так легко, так уютно. Никого, нигде и никогда не впускать в свое сердце.

Вокруг любви столько всего, так много сказано. Так много разных *коннотаций*, как говорят искусствоведы. Кто-то из великих писателей сказал: «Как тяжело пользоваться словами, которыми до тебя пользовался кто угодно и как угодно...» И иногда мне кажется, что любви нет, есть какие-то базовые потребности в защите, материнской ласке, заботе, безопасности, и это вот желание безопасности все или почти все путают с любовью, но, господи, зачем же тогда я думаю о Диане снова и снова?

Вспоминаю, как вдруг в канун Пасхи заказал ей блины. Странно, что именно этот эпизод врезался в мою память, но памяти ведь не прикажешь, иногда она утрачивает что-то по-настоящему важное, а иногда сохраняет какие-то почти ничего не значащие моменты, какую-то жизненную шелуху, которая со временем вдруг становится неожиданно нужной, и выясняется, что без этой шелухи жить было бы просто невыносимо.

Блины Диана терпеть не могла. Она и готовить-то не очень на самом деле умела, но в те счастливые времена совсем рядом с нами жила ее мама. Примерно через час, как я позвонил, но в урочное, как говорится, время мама уже сутилась на кухне с миской теста и удобной сковородкой, на скорую руку провела ей мастер-класс, и, когда я приехал с работы, Диана стояла возле плиты с поварешкой в руках, а гора блинов на столе рядом росла на глазах.

Такая была история – про блины и про то, как нам хотелось радовать друг друга. Простая история, каких происходит сотни и тысячи, везде и всюду. Прошло столько времени, а я никак не успокоюсь, все время хочется спросить: любовь моя, ну как же так?..

Мне стыдно, но дочь я вспоминаю реже... Вернее, она как неделимая часть ее и меня. Единственный ребенок, долгожданный и всеми желанный, но ее родила Диана. Я знаю, что многие меня осудят, особенно женщины. Мужчины, возможно, более сдержанно промолчат, скрывая свое мнение, не посмеют признаться, что любовь к детям неразрывно связана с любовью к женщине...

Все это я вспоминал посреди страшного бардака в своей собственной разгромленной квартире: повсюду валялся какой-то хлам, я просто не мог его выкидывать, копил как свидетельство невозможности расставания с прошлым. В коридоре высокими башнями громоздились стопки никому не нужных пыльных газет, разбросанные сигаретные пачки напоминали небольшие скомканные холмики. Я курил без перерыва, не успевая докурить одну сигарету, прикуривал другую. Книги с загнутыми страницами яркими пятнами расцветчивали этот хаос. С детства я любил делать пометки в тех местах, которые особенно цепляли, и не придумал ничего лучшего, чем загибать нужные страницы. Это создавало интригу, иллюзию игры с собой: приходилось перечитывать загнутую страницу заново, чтобы обнаружить изначально выбранное мною место. А ведь его могло и вовсе не оказаться: спустя время некогда обласканные строчки казались банальными и скучными.

Пустые бутылки из-под вина ровными разноцветными рядами стояли на подоконнике и нескольких книжных полках. Иногда от нечего делать я пытался строить из них пирамиды. Это забавляло меня и позволяло ненадолго отвлечься от тяжелых мыслей. Я забывался, чтобы ровно выстроить пирамиду, которая могла упасть в любой момент, обрушив на меня осколки безысходности.

Кто-то сказал: мы предпочитаем быть правыми, а не счастливыми. Кризис среднего возраста в том, наверное, и выражается, что раньше тебе хотелось умереть, а теперь – выжить.

Разве я не прав? Разве не поддержки ждем мы от близких? Разве не хочется каждому из нас теплого тыла? Всю свою жизнь я оборачиваюсь назад, а там – ледяная пустота и обрыв, и мне не перепрыгнуть его. Теперь не перепрыгнуть, и невозможно поверить, что когда-то, когда-то *до*, его не было, и в голове не укладывается, как какая-то доля мгновения может изменить целую жизнь.

Мне почему-то всегда кажется, что это предел, который день кажется – предел, а он никак не наступает, все продолжается война, и я сижу в своем окопе. Я сам себе солдат, сам себе командир, и вот я оказался в окружении, меня не вызволить, не спасти...

Завораживающе поблескивает початая бутылка коньяка, – откуда бы она могла взяться? – но я не могу больше пить, я давно уже не могу пить, я не знаю, зачем я периодически все-таки делаю это. У меня уже нет бизнеса и почти не осталось денег, но это совсем не беспокоит меня. То, что я создавал годами для того, чтобы давать им жить, баловать... Какая глупость. Теперь их нет. И некого баловать, и нет самого главного – смысла.

Просто мне хочется лежать на кровати, лежать на кровати и ничего не делать: не выходить из дома, не включать компьютер, не отвечать на звонки, просто лежать, завернувшись в кокон одеяла, видеть дурацкие сны ни о чем, не пить, не курить, не есть. Или нет – есть можно, только нечего. Я бы, может, с удовольствием съел тарелку бульона. Спустя год после этого. Господи, мне трудно озвучить это даже для себя. После того как из-за моего бизнеса погибли моя жена и дочь, мать Дианы, Виолетта Григорьевна, приходила ко мне. Мы просто сидели с ней вместе, друг напротив друга, молчали и плакали. Иногда она пыталась покормить меня. Я удивлялся ее заботе и какой-то ответственности, которую она ощущала за меня. Но со временем это стало раздражать и злить. Я не понимал, как она может готовить свои дурацкие, никому не нужные супы тогда, когда моей жены и дочери уже нет. Кому это нужно? Эта нелепая забота о моей ничемной и никому не нужной жизни. Из гостиной я перебрался в кабинет и наблюдал потоки моего льющегося света и воспоминаний. Виолетта Григорьевна мешала мне. Однажды я накинулся на нее и кричал какую-то чушь о равнодушии и жлобстве. Она ушла вся в слезах. А мне так и не хватило сил попросить у нее прощения. Поэтому еда была редким гостем в моем захламленном, осиротелом, как и моя душа, доме.

И завтра обязательно случится что-то хорошее, уговариваю я себя. Обязательно случится что-то хорошее.

В тот момент я уже понимал, что ничто не держит меня здесь. Наверное, это произошло тогда, когда я сжимал в ладонях окровавленную голову Дианы, тянул рыжие от крови руки к окружившим машину полицейским и «скорпомощным» докторам.

Заканчивался год, оказавшийся для меня по всем меркам хорошим и даже отличным. Дела шли в гору, красота Дианы расцветала с какой-то даже пугающей, нечеловеческой силой, и я каждый раз задерживал дыхание от восторга, когда видел ее идеальный профиль. Дочь являла миру свои немалые способности в области, разумеется, прекрасных искусств – видели бы вы, как она сидит за роялем: маленькая, серьезная, вытянутая вверх и прямо, как маленькая графиня! Вместе с Дианой они рисовали, пели, причесывали друг друга «на брудершафт», мой дом был... Какой ужас заключен в маленьком слове «был», и это не пустые слова, которые мы часто произносим просто так, не задумываясь. Злимся или просто сотрясаем пустоту. Что толку! Моего дома больше нет. И какая разница, в какую стилистическую форму я облакаю эти слова? Все это бессмыслица, потому что любые слова утрачивают силу, встречаясь с действительностью.

Все изменилось в один момент, точнее, это для меня все изменил один момент, а именно что мой водитель Роман заболел, неожиданно поднялась температура, и я отпустил его домой. Мы в этот день должны были вместе идти на выставку. А Диана с Полиной решили навестить бабушку, не раньше и не позже, не более получаса на такси, получаса, который оказался длиной в бесконечность, стерев все в пепел памяти. Я потом долго думал, лежал и думал ночами, что

происходит, когда люди попадают в аварию. Мне хотелось понять, очень ли они страдали, и мысль о том, что они погибли мгновенно, утешала меня.

Именно эта мысль позволила мне продержаться так долго, чтобы организовать прощание, поминки, девять дней и сорок, полгода, год, установить памятник, рождающий воспоминания о море, солнце и обо всем том, чем для меня являлись мои девочки. О жизни.

Я каждые пять минут говорил себе, иногда вслух: им не было больно и им не было страшно. Они не успели испугаться. И это меня держало, только это. Единственное мое желание: сжать, словно пружину, время и объединиться снова с ними, моими любимыми девочками.

Завтра. Завтра. Завтра, в котором ничего нет, такое пустое, похожее на мыльный пузырь.

Я оставил на старой квартире все, кроме книг, в том числе и будильник. Необходимости приобрести новый так и не возникло. Неважно, когда я ложусь, ощущая спиной упругость матраса. Я все равно просыпаюсь в семь, даже если хочу спать.

Глава 3

*В старинном городе чужом и странно близком
Успокоение мечтой пленило ум.
Не думая о временном и низком,
По узким улицам плетешься наобум...
В картинных галереях – в вялом теле —
Проснулись все мелодии чудес,
И у мадонн чужого Боттичелли,
Не веря, служишь столько тихих месс...*
Саша Черный

Из романа Дианы Лозинской «Весна»

Флоренция XV век

Цветущая... Имея такое название, невозможно оставаться обыкновенным, хотя в том, чтобы быть обыкновенным, нет ничего плохого. Флоренция не похожа ни на один другой город, и ее индивидуальность еще больше влюбляет нас в сумбурные, узкие улицы, потерянные и в чем-то нелепые, словно возникшие сами собой, без внимания и участия архитектора. Флоренция, словно юная девушка, дышит свежестью и любопытна, она нежно пахнет и не теряет своей привлекательности с годами. Величественно возвышается над городом купол собора Мариадель-Фьоре. В нем чувствуется сила, как в самих флорентинцах, которые умеют все обратить в шутку и посмеяться над собой, не забывая про соседа. А еще во Флоренции рано темнеет и черное небо низко покоится над засыпающим городом.

Именно названия и имена во многом определяют наше будущее, в каждой букве, составляющей единое целое, заключена вся тайна связи с абсолютным, придающим нам сил и вдохновения для всего задуманного, в конечном счете с той же неведомой силой, которая иногда просто без видимой причины забывает о нашем существовании. Цветущая, всегда весенняя, пребывающая в состоянии надежды, призывающая к жизни, и Флоренция всегда была именно такой, с самого своего основания, как будто сама местность между берегом реки Арно и подножием Аппенинских гор обладала какой-то особенной жизненной силой.

Ночь медленно спускалась на город. После палящего солнца ветер приятно обдувал со всех сторон, нагоняя негу на жителей. В такие моменты, когда последние лучи солнца катились за свои неведомые пределы, демонстрируя невероятную картину сплетения светотеней, казалось, все краски, существующие в природе, соединились в закате, плотно растекаясь по небу. Не нужно было ничего придумывать. Достаточно было выйти в семь вечера к Арно и дожидаться момента, когда все небо превращалось в палитру заката, в котором, как в магическом кристалле, отражались надежды и возможности нового дня, стремление к мечте и поиску себя. Ничто уже не напоминало ужасов сто сорок восьмого года, когда по городу бродила «черная смерть». Это было время великого несчастья. Какие-то заморские купцы привезли в цветущий город чумную заразу вместе с пряностями – кажется, с шафраном. Хотя некоторые поговаривали, что зараза попала во Флоренцию с Востока, в больших тюках драгоценных индийских ковров. По улицам медленно двигались церковные шествия с пением жалобных *misere* (Господи, помилуй) с чудотворным образом Богородицы, предупреждавшие о приходе чумы и заставлявшие веселых флорентинцев запереть свои толстые двери покрепче; монахи и священники усердно молились, но чума продолжала улыбаться горожанам своей равнодушной и беспощадной улыбкой и не думала никуда уходить. Было опасно брать воду из Арно. Река была заражена нечистотами, сваливаемыми туда отходами. По городу ходили надсмотрщики, наглухо заколачивавшие двери и окна домов, в которых были умершие или тяжелобольные, и

собиравшие трупы на переполненные смердящие повозки. Флорентинцы называли этих надсмотрщиков черными дьяволами, хотя, в сущности, это были такие же люди, многих из которых тоже унесла черная смерть. Но всем они представлялись чуть ли не пособниками заразы, как и врачи, носившие черные одежды и защитные маски с клювами, набитыми душистыми травами. Всюду появлялись просмоленные страшные дроги, в дыму факелов, в сопровождении молчаливых людей в масках и черных одеждах, пропитанных дегтем, с длинными крюками, которыми они издали, чтобы не заразиться, хватали чумные трупы. Многие бежали из Флоренции, покидали любимый город, чтобы спастись и дышать чистым воздухом. Молодым хотелось любви. Они отдавались страстям, чтобы чувствовать запах жизни и не поддаваться сокрушающей скорби, уничтожающей желания. Даже зимние холода не прекратили этого проклятия, и страшная болезнь унесла еще много жизней. Смеральда с детьми редко покидала дом и старалась придумывать для себя и мальчиков разные занятия, чтобы отвлечься и не думать о несчастье. Они вместе пекли печенье из оставшейся ржаной муки или делали марципаны из остатков тертого миндаля, и вечерами, когда муж Смеральды, Мариано, приходил уставший с работы, они пили теплое молоко или разбавленное вино и рассказывали друг другу всякие истории. Они жили своим миром, тихим и спокойным, стараясь заглушить страх, поддерживая друг друга простыми вещами.

– Сегодня так холодно было. – Мариано причмокивал от удовольствия, отламывая кусочек печенья. – Наверное, самый холодный день зимы. Представляешь, я шел через городскую площадь и увидел старую женщину, одетую в какие-то лохмотья, очень простую, она плакала и дула на озябшие пальцы, все никак не могла вытащить монеты из кошелька. Я заплатил за нее булочнику и отдал ей свои кожаные перчатки. Ты не сердись, дорогая?

Смеральда подошла к мужу и поцеловала его в висок:

– Я не сержусь. Я горжусь тобой.

Смеральда очень похудела за это время, и от этого черты лица были более острыми, выдавая следы усталости и неотступающей тревоги.

Но Сандро не помнил этого. Ему было всего три года, и страшная картина, когда город весь увял и почернел из-за чумной заразы, стерлась из его детской памяти, а река снова обрела свою природную силу и чистоту. Она уверенно расстилалась гладью, удерживая взгляд. В ней, словно в зеркале, отражались крыши и фасады, расплывался целый город. С того момента прошло более девяти лет, и тринадцатилетний Сандро часто уходил гулять к реке и медленно бродил вдоль берега. Особенно ему нравилось выходить к Арно по вечерам. В это время зажигались огни, и город погружался в тишину: смолкало даже воркование голубей, которых было так много во Флоренции. Днём Алессандро утомлял рокот чужой и праздной толпы, мешавшей ему мечтать. Он ждал вечера и сливался с вечерним одиночеством Флоренции, которая утешала и одновременно просветляла. Узкие переулки манили своим глубоким, немим выражением. Глухие голоса и шаги прохожих сочиняли свои истории и увлекали за собой.

Глубокие воды реки странно приковывали юношу и поглощали его мысли, словно заколдовывая. Душа его томилась. Кто он в этой жизни? Хотелось понять свое предназначение. Ведь для чего-то он появился на этот свет? Слезы страха и предчувствия выступали на бледном лице.

Сандро постепенно открывал и познавал крикливый и шумный мир, мир площадей и улиц, церквей и переулков, где прохожему трудно было разойтись со всадником, не задев его своим платьем. Люди, которые всегда спешат и спорят друг с другом. А кто-то мог спокойно вылить помой из окна или с балкона, обдав прохожего всеми возможными нечистотами. Это тоже была его Флоренция, меняющая свое настроение и одежды, оставаясь при этом неизменно родной и любимой. Он шел по неровным камням, иногда доходил до городских ворот и выходил за их пределы, поднимался на холмы, вдоль взбирающихся узких тропинок. С другой стороны дороги тянулись оливковые сады, и он вдыхал их глубокий аромат, словно очищаясь при

этом. Флоренция казалось ему совсем другой, когда он смотрел на нее стороны, она не была разобрана на отдельные гонфалоны, словно яркие пазлы, город открывался целиком, демонстрируя свое величие. Летом во Флоренции становилось так тяжело дышать, что приходилось делать короткие вдохи. Цепь пологих холмов, окружавших город со всех сторон, задерживала воздух и не давала рассеиваться испарениям Арно, которые смешивались со смрадом мастерских и сточных каналов, накрывая город душным коконом. Еще и поэтому Сандро так любил гулять вечерами, уходя в луга и небольшие рощицы, неизвестные многим. Мать сначала сильно ругала Сандро, но со временем привыкла к его странностям, принимая его желание побыть одному. Обычно горожане собирались на лугу перед церковью Оньисанти (церковь Всех Святых), играли в мяч, танцевали и придумывали себе разные развлечения. Часто мужчины затевали свою любимую игру *calcio storico*, выделяясь яркими обедами и зеваки с любопытством наблюдали их сильные тела и то как они пытались повалить друг друга. Команды знали, за что боролись. Ведь победитель получал в награду корову. И не какую-нибудь, а непременно телку знаменитой кианской породы, выведенной в тосканской долине Валь-дикьяна. Стейк готовился для всей команды и был отменным угощением. Юноша уходил куда-нибудь подальше от массовых гуляний и скопления людей. Ему нравилось уединение, когда день заканчивался и растворялся, а глухое молчание нарушалось лишь шорохом капель и падением созревших плодов. Казалось, Сандро слышал, как бьется его собственное сердце. Любовь к Италии входила в него всей полнотой запахов и звуков, чтобы никогда более не покинуть его. Для этого нужно было родиться художником – художником в цветущей Флоренции, борющейся с тиранами за свои права и свободу. Соперница славного Рима...

У городской стены стоял небольшой каменный дом с просторной лоджией, что определяло его хозяина как зажиточного торговца. Дом принадлежал семье Ренальдо Форгезо, известному всему городу цветочнику. Он снабжал своими розами и дивными лиловыми фиалками, которые росли только в его садах, все городские праздники и карнавалы, а уж их в то время было предостаточно. У Ренальдо была дочь Мария, рослая девочка с темными гладкими волосами. Она не была писаной красавицей, во всяком случае, с точки зрения большинства: в ней не было той возвышенности и мистической загадки, той утонченности в чертах и фигуре, которая так привлекала современников Алессандро, правда, зачастую загадочность флорентийских красавиц оказывалась обыкновенным кокетством, которое так красит всех женщин в глазах мужчин. У Марии были крупные черты лица, красивой формы чувственный рот, открытый лоб, и все ее тело дышало жизнью, которую так тщательно скрывали юные флорентинки. Однажды, когда юноша гулял, погруженный в свои мысли, и никого не замечал, кроме самой природы и ее запахов, Мария подошла к нему и молча последовала за ним. Девочка не раз видела его до этого бредущим вдоль узких улиц, но подойти решила только сейчас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.